К вопросу о возмездности наследственного договора для целей виндикации

ЛОРЕНЦ Дмитрий Владимирович, доцент-исследователь кафедры гражданского права и процесса Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат юридических наук, доцент

Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

E-mail: lord-dv@mail.ru

С 1 июня 2019 г. в России можно наследовать имущество по наследственному договору, который позволяет возложить на контрагента обязанность предоставить содержание наследодателю. Такие отношения могут образовывать неизвестные ранее российскому правопорядку фактические обстоятельства для ограничения виндикации имущества в соответствии с п. 1 ст. 302 ГК РФ, если добросовестный наследник приобретет индивидуально-определенную вещь от неуправомоченного наследодателя, получившего встречное предоставление.

Цель исследования — определение места наследственного договора в системе возмездных, синаллагматических договоров для понимания перспектив виндикации имущества, приобретенного на основании такого соглашения. Это требует решить следующие задачи: 1) выяснить юридическую природу договорных распоряжений наследодателя в России и Германии; 2) разграничить наследственный договор и пожизненное содержание с иждивением; 3) выделить предмет и цену в соглашении о наследовании; 4) обосновать абстрактность распоряжений наследодателя относительно предоставлений контрагента либо признать их встречный характер; 5) дифференцировать возмездные, взаимные и двусторонние наследственные договоры, а также ограничить их от договоров в пользу третьих лиц.

Для исследования наследственного договора в России с возможностью восприятия традиций германской юридической доктрины использована методология компаративистики.

Поскольку российская модель наследственного договора при буквальном толковании ст. 1140¹ ГК РФ не исключает каузальную зависимость посмертных распоряжений наследодателя от возможных встречных предоставлений со стороны наследника, появляются основания для квалификации такого договора в качестве возмездного. Если же отечественная правовая доктрина и судебная практика воспримут германский подход о самостоятельности обязательств по содержанию наследодателя и уходу за ним, подобные предоставления наследника не будут иметь встречный характер в силу абстрактности распоряжений на случай смерти. Это кардинально скажется на определении условий виндикации спорного имущества.

Ключевые слова: виндикация, добросовестный наследник, наследственный договор, возмездный и взаимный договор, рента.

Для цитирования: Лоренц Д. В. К вопросу о возмездности наследственного договора для целей виндикации // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 69—80. DOI: 10.12737/jrl.2020.031

On the Issue of Reciprocity of the Hereditary Contract for the Purposes of Vindication

D. V. LORENTS, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad 236016, Russian Federation

E-mail: lord-dv@mail.ru

From June 1, 2019 in Russia, it is possible to inherit property under a hereditary contract that allows establishing the counterparty's obligations to provide care to the testator. For the Russian law and order such relations may form previously unknown factual circumstances for limiting vindication in accordance with Article 302 of the Civil Code of the Russian Federation. It is a case if a bona fide heir acquires an individual asset from an unauthorized ancestor, who previously received a counter payment.

The research aims to determine the place of the hereditary contract in the system of paid, synallagmatic contracts for understanding the prospects of vindication of property acquired under

such an agreement. This requires the solution of the following tasks: 1) to clarify the legal nature of the contractual last will of the ancestor in Russia and Germany; 2) to distinguish the hereditary contract and the rent; 3) to highlight the subject and price in the inheritance agreement; 4) to substantiate the abstraction of ancestor's disposals in relation to the care by the counterparty or to recognize the counter nature of the relationship; 5) to differentiate onerous, mutual and bilateral inheritance contracts and distinguish them from contracts in favor of third parties.

The methodology of comparative studies is used to analyze the hereditary contract in Russia with the ability to adopt the traditions of the German legal doctrine.

In the literal interpretation of Article 1140¹ of the Civil Code of the Russian Federation, the Russian model of the hereditary contract does not exclude the causal dependence of the ancestor's disposals on the duties of the heir, so there are grounds for qualifying such a contract as paid. If the domestic legal doctrine and court practice accept the German approach on the independence of the obligation to care for the ancestor, then such heir's actions do not counter character insofar as the disposal in case of the death may be abstract. This can have a significant impact on the vindication of the property.

Keywords: vindication, bona fide heir, hereditary contract, contract for payment, mutual contract, rent.

For citation: Lorents D. V. On the Issue of Reciprocity of the Hereditary Contract for the Purposes of Vindication. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 3, pp. 69—80. DOI: 10.12737/jrl.2020.031 (In Russ.)

Постановка научно-практической проблемы. С 1 июня 2019 г. в России действуют нормы ст. 1140¹ ГК РФ о наследственном договоре, в соответствии с которыми наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию (ст. 1116 ГК РФ), договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию.

До реформы наследственного права в России наследование осуществлялось по завещанию и по закону, а квалификация приобретения наследства в качестве безвозмездной сделки не могла вызывать сомнений, поэтому если вещь приобреталась наследником от наследодателя, который не имел права ею распоряжаться, то собственник такого имущества вправе был истребовать его во всех случаях согласно п. 2 ст. 302 ГК РФ.

С 1 июня 2019 г. наследственный договор стал новым основанием наследования (абз. 1 ст. 1111 ГК РФ), и такой договор может возлагать на участвующих в нем лиц, которые могут призываться к наследо-

ванию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера, в том числе исполнить завещательные отказы или завещательные возложения (п. 1 ст. 1140¹ ГК РФ).

Условие наследственного договора о возложении на его участников определенных обязанностей в обмен на наследство позволяет поставить перед цивилистикой новую научную проблему относительно возможности квалификации такого соглашения в качестве возмездного, а результаты изыскания имеют существенное значение для судебной практики, поскольку добросовестное приобретение наследником после смерти неуправомоченного наследодателя по наследственному договору индивидуально-определенной вещи, выбывшей из владения собственника по его воле, может стать неизвестным ранее для российского правопорядка основанием ограничения виндикации в соответствии с п. 1 ст. 302 ГК РФ.

В статье 423 ГК РФ определяются признаки возмездных и безвозмездных договоров. Договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным. Безвозмезд-

ным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. Договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное.

Соответственно, необходимо оценить, возникает ли у наследодателя по наследственному договору именно обязанность что-либо предоставить, носят ли возлагаемые на иных участников такого договора обязанности характер платы или иного встречного предоставления, а также может ли в данных правоотношениях применяться презумпция возмездности.

Юридическая природа и сущность наследственного договора. Нормы ГК РФ о наследственном договоре (ст. 1140¹) содержат весьма упрощенную модель немецкого договора о наследовании (§ 2274—2302 BGB¹), поэтому для анализа сущности данной юридической конструкции, понимания природы возникающих на ее основе отношений и обеспечения предсказуемости их юридических последствий в России не следует игнорировать взгляды немецких цивилистов, поскольку планирование наследования посредством договора зародилось именно в германской правовой системе.

В Германии противопоставляются обязательственные сделки (подготавливающие утрату права и возлагающие долг на имущество должника) и распорядительные сделки (абстрактные, т. е. независимые от обязательства, действия, с помощью которых право непосредственно переносится, обременяется, изменяется в своем содержании или прекращается)².

¹ Bürgerliches Gesetzbuch (Германское гражданское уложение).

² См.: Эннекверус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая

Договор о наследовании в немецкой доктрине имеет двойственную юридическую природу: одновременно является и распоряжением на случай смерти, и договором. Такой договор образует *sui generis*, т. е. уникальную правовую категорию. Он не считается распорядительным соглашением, потому что после вступления договора в силу вещно-правовое положение между живыми лицами не меняется, а откладывается до смерти наследодателя. Но это также и не договор, взаимно связывающий его стороны обязательством, поскольку наследодатель не принимает на себя никаких обязательств и не обязуется делать определенные распоряжения на случай смерти (такой договор был бы недействительным согласно § 2302 BGB). Однако это такие посмертные распоряжения, которые уже непосредственно реально сделаны и включены в договор. Договор о наследовании является договором только потому, что партнер принимает предложение наследодателя о распоряжениях на случай смерти и таким способом достигается их обязательная сила³.

У наследников по договору не существует юридически обеспеченного ожидания в течение жизни наследодателя, а имеется только фактическая перспектива приобретения. Наследник по договору не имеет права на наследство в том виде, в котором оно было при заключении договора о наследовании. По этой причине, например, завещательный отказ относительно земельного участка, содержащийся в договоре о наследовании, до открытия наследства не может быть обеспечен оговоркой в поземельной книге путем предва-

часть. Пер. с нем. Т. 1. Полутом 2. М., 1950. С. 88—89, 96—98.

³ См.: Gursky K.-H., Lettmaier S. Erbrecht. 7. Auflage. Heidelberg, 2018. S. 77; Lange K. W. Erbrecht. 2. Auflage. München, 2017. S. 121; Frank R., Helms T. Erbrecht. 7. Auflage. München, 2018. S. 164—165.

рительной регистрации перехода права собственности⁴.

Таким образом, в Германии договор о наследовании не вписывается в традиционную для этого правопорядка систему обязательственных и распорядительных сделок, а образует особое по природе согласованное сторонами реальное распоряжение с отлагательным вещно-правовым эффектом, который связывает, но не обязывает наследодателя вплоть до его смерти.

В Российской Федерации упоминание в п. 1 ст. 1118 ГК РФ лишь правил Кодекса о завещании, которые могут применяться к наследственному договору, если иное не вытекает из существа данного договора, является неким упущением со стороны законодателя, поскольку в норме не определяется биполярная природа соглашения, что может затруднить прямое распространение на него общих положений обязательственного и договорного права.

И если с 1 июня 2015 г. в соответствии со ст. 307¹ ГК РФ общие положения об обязательствах могут применяться к требованиям, возникшим из корпоративных отношений, поскольку иное не установлено Гражданским кодексом, иными законами или не вытекает из существа соответствующих отношений, то относительно требований, возникающих из наследственных правоотношений, ситуация не является столь однозначной. Определенные перспективы можно увидеть только в п. 3 ст. 1137 ГК РФ, согласно которому к отношениям между отказополучателем (кредитором) и наследником, на которого возложен завещательный отказ (должником), применяются положения Кодекса об обязательствах, если из правил разд. V ГК РФ и су-

щества завещательного отказа не следует иное.

Кроме этого, в новеллах ГК РФ присутствуют слабая связанность наследодателя (его право в силу закона на односторонний отказ от договора, свобода прижизненного распоряжения имуществом) и высокие риски второй стороны (наличие обязательных наследников, кредиторов, ранняя смерть наследника), что уже сейчас позволяет отечественным цивилистам⁵ не столько увидеть в наследственном договоре обязательное к исполнению соглашение, сколько наделить его, по сути, характером завещания, но с оговоркой о возмещении убытков на случай отмены.

Исходя из установленной сущности наследственного договора, в немецкой и российской модели наследственного договора можно наблюдать некое отступление от классического понимания юридической связанности сторон договора, а наследодатель с позиций обязательственного права вряд ли может иметь традиционный статус должника относительно приобретателей наследства, ожидания которых не гарантируются и основаны на риске.

При этом полностью отрицать наличие в ГК РФ элементов обязательственного правоотношения между наследодателем и другими сторонами наследственного договора недопустимо, иначе невозможно было бы обосновать предусмотренную п. 10 ст. 1140¹ обязанность наследодателя возместить другим сторонам убытки, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения от нотариуса копии уведомления об одностороннем отказе наследодателя от наследственного договора,

⁴ См.: Brox H., Walker W.-D. *Erbrecht*. 28. Auflage. München, 2018. S. 91—92; Lange K. W. *Op. cit.* S. 121; Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. *Erbrecht. Kommentar*. 3. Auflage. München, 2019. S. 1705.

⁵ См.: Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110—1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М., 2018. С. 606—607.

что обычно не характерно для fiduciарных соглашений.

Предмет и цена наследственного договора. В Германии договор о наследовании в своем содержании может иметь только распоряжения на случай смерти, а наследодатель юридически связан только договорными распоряжениями, предмет которых строго ограничен: назначение наследника; завещательный отказ; завещательное возложение; выбор применимого к наследованию права (§ 1941 I, 2278 II BGB). Поскольку посмертные распоряжения, которые допускаются по смыслу § 2278 BGB как договорные, могут не рассматриваться в качестве таковых, всегда целесообразно недвусмысленно определять степень связанности сторон. Распоряжения за пределами предмета договора о наследовании могут иметь только односторонний характер, но их допустимо включать в договор в любое время без акцепта контрагентом (§ 2299 BGB), и на них не распространяется правило о недействительности последующих завещаний после заключения наследственного договора в соответствии с § 2289 BGB. Согласно § 2253 BGB они могут быть в любое время отменены или изменены. К таким распоряжениям, в частности, относят: лишение наследства (§ 1938 BGB); назначение опекуна (§ 1777 Abs. 3); исключение родителей бенефициара из управления имуществом ребенка (§ 1638); порядок исполнения завещания (§ 2197); лишение обязательной доли (§ 2333 BGB)⁶.

На основе положений п. 1 ст. 1140¹ ГК РФ в литературе сформулирован вывод, что выгодоприобретателем по наследственному договору может быть как переживший наследодателя его контрагент, так и пережившее третье лицо. Обязанности контрагента могут быть уста-

новлены в пользу не только наследодателя, но и третьего лица (выгодоприобретатель на стороне наследодателя).

При этом предлагается дифференцировать обязанности контрагентов наследодателя и третьих лиц на следующие виды: 1) прижизненные; 2) посмертные: а) наследственные (легаты и завещательные возложения); б) вненаследственные (иные обязанности, исполнение которых не ограничено размером наследства)⁷.

Кроме того, фразу в п. 1 ст. 1140¹ ГК РФ «...возлагать на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность...» на практике можно будет истолковать таким образом, что любое лицо, которое не заключало наследственный договор, но у которого возникают из него права и (или) обязанности наряду со сторонами договора, также признается его участником, хотя и без статуса контрагента. И здесь необходимо будет через судебные разъяснения установить смысл данной нормы. Либо третье лицо в принципе должно обладать способностью призываться к наследованию, например, не быть недостойным, и поэтому на него можно возложить обязанности, однако, очевидно, что из данного круга лиц должны быть исключены малолетние и недееспособные граждане. Либо на любого участника договора, как на партнера наследодателя, и на третье лицо можно возложить обязанности только в том случае, если в пользу обязанного лица имеется посмертное распоряжение наследодателя о передаче наследства, об установлении завещательного отказа или завещательного возложения. Второй вариант толкования не будет соответствовать диспозитивной модели договорного планирования наследования, поскольку сужает спектр вари-

⁶ См.: Scherer S. Münchener Anwalts-Handbuch Erbrecht. 5. Auflage. München, 2018. S. 230, 235; Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. Op. cit. S. 146.

⁷ См.: Наследственное право: постатейный комментарий... С. 609, 612.

антов определения выгодоприобретателей и обязанных лиц. При этом, разумеется, возложение на третье лицо каких-либо обязанностей по исполнению наследственного договора потребует оформления его волеизъявления на это, иначе это будет противоречить принципу свободы договора.

Таким образом, в ГК РФ содержание наследственного договора не только охватывает распоряжения на случай смерти, но и может включать условия о прижизненных обязанностях участвующих в договоре лиц, которые по природе не являются исполнением легата и возложения, а значит, составляют не предмет посмертного распоряжения наследодателя, а иное, прижизненное, условие договора, которое в силу п. 6 ст. 1118 ГК РФ вступает в силу до открытия наследства.

При отсутствии в ГК РФ четких очертаний предмета договорных распоряжений наследодателя, в отличие от немецкой модели, посмертные обязанности участников целесообразно относить в России к предмету наследственного договора, а прижизненные обязанности по обеспечению наследодателя или указанного им третьего лица, по сути, образуют некую «плату» в обмен на распоряжения относительно наследства.

Для решения обозначенной в рамках настоящего изыскания научно-практической проблемы предметом анализа будут только те наследственные договоры, в которых наследник исполняет возложенные на него обязанности в качестве стороны договора или в статусе третьего лица, поскольку если лицо исполняет обязанности, но не получает наследство либо получает наследство, но предоставления осуществляет иное лицо, или они вовсе отсутствуют, то очевидно, что даже в случае признания договора в целом возмездным добросовестное приобретение не будет связано с какими-либо расходами приобретателя, а

это исключает ограничение виндикации.

Соотношение наследственного договора и ренты. Если обязанности участника наследственного договора связаны с прижизненным предоставлением содержания в пользу наследодателя или третьего лица, то по характеру такие правоотношения имеют сходство с пожизненным содержанием с иждивением, которое регламентируется гл. 33 ГК РФ, однако правовой режим этих договоров существенно отличается.

В соответствии со ст. 602 ГК РФ по договору пожизненного содержания с иждивением обязанность плательщика ренты может включать обеспечение потребностей в жилище, питании и одежде, а если этого требует состояние здоровья гражданина, также и уход за ним. Договором пожизненного содержания с иждивением может быть также предусмотрена оплата плательщиком ренты ритуальных услуг. При этом при бесплатном отчуждении имущества объем содержания в месяц не может быть менее двух величин прожиточного минимума на душу населения в соответствующем субъекте РФ по месту нахождения предмета договора или в целом по Российской Федерации.

По наследственному договору обязанное лицо может выполнять более широкий спектр действий имущественного и неимущественного характера (в том числе уход за домашними животными).

Из существа наследственного договора не следует допустимость возложения на контрагента наследодателя обязанности полностью оплатить стоимость наследства с последующим предоставлением содержания и ухода, закон также не ограничивает минимальный объем предоставлений.

В нормах о наследственном договоре отсутствует приоритет натуральной формы предоставлений, как это предусмотрено для пожизненного содержания с иждивением

в ст. 603 ГК РФ, и распоряжаться наследодатель может не только недвижимостью в отличие от предмета договора пожизненного содержания с иждивением согласно ст. 601 ГК РФ.

И самое главное, как отмечают в доктрине, в отличие от иных гражданско-правовых договоров правовой эффект наследственного договора, на который стороны рассчитывают при его заключении, достигается не сразу, а только после смерти лица, выступающего в роли завещателя по договору⁸. Такой порядок перехода права собственности на имущество усиливает дисциплину приобретателя и гарантирует интересы собственника по сравнению с договором пожизненного содержания с иждивением, при котором право собственности переходит к плательщику ренты уже при жизни отчуждателя недвижимости⁹. Кроме этого, в силу особенностей наследственных правоотношений приобретатель наследства на основании п. 4 ст. 1152 ГК РФ признается собственником со дня открытия наследства независимо от момента государственной регистрации права на имущество, когда такое право подлежит государственной регистрации.

Наследственный договор и договор в пользу третьего лица. В Германии договор о наследовании не рассматривается в качестве договора в пользу третьего лица, даже если он содержит предоставления только третьим лицам, что возможно и допустимо¹⁰.

⁸ См.: Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М., 2015. С. 70.

⁹ См.: Бушлякова Д. В. К вопросу о проблемах применения наследственного договора в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2015. № 4 (17). С. 50—52; Горина Н. А. Наследственный договор — третий вид наследования в гражданском праве России: быть или не быть? // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 2 (43). С. 262.

¹⁰ См.: Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. Op. cit. S. 146.

Если подобный подход к юридической природе договора о наследовании будет воспринят в России, то это не позволит применять к наследственному договору положения ст. 430 ГК РФ. Это будет означать следующее:

1) выражение третьим лицом намерения воспользоваться своим правом по наследственному договору не сможет само по себе ограничивать право сторон расторгать или изменять заключенный ими договор без согласия третьего лица;

2) исполнитель обязанности не вправе будет выдвигать против требования третьего лица возражения, которые он мог бы выдвинуть против наследодателя;

3) в случае, когда третье лицо отказалось от права, предоставленного ему по договору, наследодатель (относительно прижизненных предоставлений) или его контрагент (относительно наследства, легата, возложений) не смогут воспользоваться этими правами.

При этом в силу п. 4 ст. 1140¹ ГК РФ законодателем отнесены к неотчуждаемым и непередаваемым иным способом лишь права и обязанности стороны наследственного договора, что в нотариальной и судебной практике потребует дополнительных толкований относительно допустимости или невозможности передачи прав и обязанностей третьих лиц. Исходя из фидуциарной природы наследственных правоотношений, личность третьего лица тоже должна иметь существенное значение для сторон договора.

В рамках настоящего исследования следует иметь в виду, что предоставление содержания по наследственному договору третьему лицу не должно ограничивать виндикацию собственника имущества, поскольку неуправомоченный отчуждатель (наследодатель) в такой ситуации не получает предоставление, а по буквальному смыслу п. 1 ст. 423 ГК РФ именно наследодатель как сторона договора должен получить

встречное предоставление. Иными словами, если добросовестное приобретение наследства будет связано с какими-либо расходами приобретателя, но договор в целом будет безвозмездным, поскольку приобретателями предоставлений при жизни отчуждателя (наследодателя) и (или) после его смерти были третьи лица, то это исключает ограничение виндикации.

Юридическая природа обязанностей участников наследственного договора. Наличие или отсутствие обязанностей будущих наследников по договору образует основание классификации наследственных договоров на возмездные и безвозмездные, но это лишь на первый взгляд. Для понимания юридических последствий включения таких обязанностей в содержание наследственного договора в России следует проанализировать истоки данных отношений в германской модели договора о наследовании.

Несмотря на то что в целом немецкие цивилисты разграничивают возмездные и безвозмездные договоры о наследовании, в литературе у некоторых ученых это вызывает недоумение, поскольку соглашение об исполнении предоставлений (даже если оно содержится в том же документе) не является составной частью договора о наследовании, а договор о наследовании из-за предоставлений не становится взаимным договором, к которому применимы правила § 320 BGB о встречном исполнении. Поэтому частичное исполнение наследником встречных прижизненных обязательств (например, оказание услуг по уходу) при последующей их отмене не препятствует наследодателю отказаться от его договорных распоряжений, поскольку такое право предусмотрено специальной нормой (§ 2295 BGB)¹¹. Договор об обслуживании, хотя и имеет каузальную связь с договором о на-

следовании, является самостоятельной сделкой между живыми лицами и не требует нотариальной формы по § 2276 BGB¹².

Таким образом, в Германии договорное распоряжение наследодателя в качестве абстрактной сделки обосновывает предоставление наследства и не зависит от исполнения обязанности со стороны контрагента, что исключает встречный характер таких отношений по смыслу § 320 BGB¹³.

Если отечественная доктрина и судебная практика воспримут обоснованность данной догматики, это позволит не квалифицировать условие наследственного договора о предоставлении содержания в качестве признака возмездного и взаимного соглашения в классическом понимании, так как распоряжение на случай смерти абстрактно и не обусловлено встречным исполнением со стороны контрагентов. Значит, по своей природе обязательства наследника не будут являться меновыми и стороны должны будут осознавать отсутствие эквивалентного, встречного исполнения, а потому нормы ст. 328 и п. 4 ст. 453 ГК РФ невозможно будет применять напрямую.

Соответственно, если добросовестный наследник получит индивидуально-определенную вещь от неуправомоченного наследодателя, в пользу которого он совершал прижизненные предоставления, то собственник, из владения которого такая вещь выбыла по его воле, может претендовать на виндикацию своего имущества. Для этого ему следует доказать, что в силу юридической природы посмертных распоряжений наследодатель не берет на себя исполнение обязанности по отчуждению наследства, а также сохраняет за собой свободу распоряжения им, поскольку такое обещание передачи имущества абстрактно и не обусловлено предоставлением содержания

¹¹ См.: Gursky K.-H., Lettmaier S. Op. cit. S. 77—78; Lange K. W. Op. cit. S. 122.

¹² См.: Frank R., Helms T. Op. cit. S. 169.

¹³ См.: Scherer S. Op. cit. S. 235.

от контрагента, так как обязательство партнера является самостоятельным и не может носить характер встречного в рамках содержания наследственного договора.

Но на пути к подобному заимствованию и развитию описанной ситуации есть определенные препятствия. Как было показано ранее, во-первых, в Германии содержание договора о наследовании ограничено распоряжениями на случай смерти, поэтому немецкие цивилисты исключают все иные условия из данного соглашения, даже если они предусмотрены в тексте такого договора, а во-вторых, в германской цивилистике весьма развита теория абстрактных сделок. В российской правовой доктрине, нотариальной и судебной практике на данный момент весьма сложно будет обосновать независимость обещания передать наследство от возложенных на наследника обязанностей по содержанию наследодателя, поскольку и то и другое образует взаимосвязанное содержание наследственного договора, поэтому есть высокая вероятность, что данный договор будут квалифицировать в качестве возмездного.

Тем более в российской юридической доктрине уже обсуждается разумное и логичное предложение сделать в ГК РФ посмертное распоряжение по наследственному договору безотзывным, если наследодатель при жизни получает встречное предоставление¹⁴, что будет означать наличие взаимообусловленного встречного обязательства. При этом на данный момент последствия нарушения наследником своих обязательств в ГК РФ никак не определяются, но данный факт можно использовать для изменения или расторжения договора в судебном порядке, если квалифицировать его

в качестве существенного изменения обстоятельств, перечень которых открыт в п. 9 ст. 1140¹ ГК РФ. Для сравнения: в Германии, как уже было показано ранее, неисполнение наследником прижизненного содержания дает наследодателю прямо предусмотренное законом право на отказ от договора (§ 2295 BGB).

Если в российском правопорядке не будет исключаться возможность классификации наследственных договоров на возмездные и безвозмездные, то следует учесть, что из существа таких договоров вытекает недопустимость применения общего правила п. 3 ст. 423 ГК РФ о презумпции возмездности договора, т. е. если обязанности наследника не предусмотрены договором и не могут быть определены исходя из условий договора, то это не значит, что партнер наследодателя должен исполнять обязанности, которые при сравнимых обстоятельствах обычно исполняются при передаче аналогичного наследства, установлении аналогичных завещательных отказов и завещательных возложений (по аналогии с п. 3 ст. 424 ГК РФ).

Далее, если защита добросовестного наследника от виндикации будет воспринята в России судебной практикой, то появляются риски распространения по аналогии на данный способ возмездного приобретения имущества п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения», а также п. 37 постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в соответствии с которыми для целей применения п. 1 и 2 ст. 302 ГК РФ приобретатель не считается получившим имущество возмездно, если

¹⁴ См.: Будылин С. Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6. С. 32—43.

отчуждатель не получил в полном объеме плату или иное встречное предоставление за передачу спорного имущества к тому моменту, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неправомерности отчуждения.

Соответственно, если собственник, чье владение вещью было нарушено, успеет предъявить виндикационный иск до смерти наследодателя, то наследник просто не будет еще приобретателем, и тогда ограничений виндикации быть не может, даже если содержание наследодателя осуществляется достаточно длительный период. Если добросовестным наследником повестка в суд получена после смерти наследодателя, но он не успел полностью исполнить прижизненные предоставления, причитающиеся наследодателю, то правила защиты добросовестного приобретателя также не будут действовать, так как приобретатель не успел осуществить полное встречное предоставление в пользу отчуждателя к моменту, как он узнал или должен был узнать о неправомерности отчуждения.

Позиция высшей судебной инстанции в этом аспекте весьма спорная, поскольку ст. 302 ГК РФ исходит из добросовестного приобретения имущества на возмездных началах, а не из наличия добросовестности приобретателя на период взаимного предоставления.

Соотношение возмездного, двустороннего и взаимного наследственного договора. Возмездный наследственный договор следует отличать от двустороннего и взаимного договора о наследовании. К сожалению, в ст. 1140¹ ГК РФ совместные распоряжения нескольких наследодателей в одном договоре не дифференцируются на взаимосвязанные и независимые, что вряд ли будет способствовать единообразию нотариальной и судебной практики в случае недействительности или отмены распоряжения одного из наследодателей.

В немецкой юридической доктрине договоры о наследовании в зависимости от роли вовлеченных лиц и характера их распоряжений классифицируются на следующие виды:

1) двусторонний (обе стороны являются наследодателями, но их договорные распоряжения независимы);

2) взаимный (договорные распоряжения наследодателей взаимосвязаны, поэтому недействительность одного распоряжения на случай смерти приводит к недействительности всего договора, что презюмируется в § 2298 BGB);

3) односторонний (только одна сторона совершает договорное распоряжение, а другая сторона в качестве контрагента принимает предложение наследодателя)¹⁵.

Подобная классификация наследственных договоров может иметь существенное значение для определения условий ограничения виндикации наследства. Если по взаимному наследственному договору один наследодатель в качестве наследника добросовестно приобрел наследство, то в случае его истребования собственником приобретатель не может ссылаться на возмездность приобретения, доказывая наличие встречного распоряжения на случай смерти в пользу умершего неуправомоченного наследодателя. Взаимность распоряжений на случай смерти не делает договор возмездным, так как встречное помертное распоряжение не является по смыслу договора о наследовании встречным исполнением. И наоборот, принятие партнером обязательства по содержанию наследодателя не превращает наследственный договор в двусторонний или взаимный, поскольку распоряжение на случай смерти совершила только одна сторона, поэтому соглашение носит односторонний характер.

¹⁵ См.: Gursky K.-H., Lettmaier S. Op. cit. S. 78; Frank R., Helms T. Op. cit. S. 169; Scherer S. Op. cit. S. 235.

Заключение. После вступления в силу с 1 июня 2019 г. норм ст. 1140¹ ГК РФ в российской судебной практике может появиться добросовестное приобретение имущества по наследственному договору, устанавливающему встречные предоставления со стороны наследника в пользу неуправомоченного наследодателя, завладевшего индивидуально-определенной вещью, которая выбыла из владения собственника по его воле. Однако российский правопорядок может воспринять исконную юридическую природу договора о наследовании, которая отражена в немецкой модели такого соглашения. Тогда содержание наследственного

договора должно ограничиваться лишь абстрактными распоряжениями на случай смерти, которые связывают последнюю волю, но не обязывают. При этом любые предоставления со стороны партнера наследодателя будут являться самостоятельным обязательством, даже если они предусмотрены в тексте наследственного договора, что будет исключать их встречный характер и сделает невозможным квалификацию данных отношений в качестве возмездных с перспективой для собственника виндигировать свое имущество, которое сохранилось в натуре в незаконном владении наследника.

Библиографический список

- Brox H., Walker W.-D. *Erbrecht*. 28. Auflage. München, 2018.
- Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. *Erbrecht. Kommentar*. 3. Auflage. München, 2019.
- Frank R., Helms T. *Erbrecht*. 7. Auflage. München, 2018.
- Gursky K.-H., Lettmaier S. *Erbrecht*. 7. Auflage. Heidelberg, 2018.
- Lange K. W. *Erbrecht*. 2. Auflage. München, 2017.
- Scherer S. *Münchener Anwalts-Handbuch Erbrecht*. 5. Auflage. München, 2018.
- Будылин С. Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // *Закон*. 2017. № 6.
- Бушлякова Д. В. К вопросу о проблемах применения наследственного договора в Российской Федерации // *Евразийская адвокатура*. 2015. № 4 (17).
- Горина Н. А. Наследственный договор — третий вид наследования в гражданском праве России: быть или не быть? // *Бизнес. Образование. Право*. 2018. № 2 (43).
- Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110—1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М., 2018.
- Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М., 2015.
- Эннексерус Л. Курс германского гражданского права: Введение и общая часть. Пер. с нем. Т. 1. Полумтом 2. М., 1950.

References

- Brox H., Walker W.-D. *Erbrecht*. 28. Auflage. München, 2018. 538 s.
- Budylin S. L. A deed with the deceased. Inheritance law reforms in Russia and internationally. *Zakon*, 2017, no. 6, pp. 32—43. (In Russ.)
- Burandt W., Rojahn D., Balomatis A. *Erbrecht. Kommentar*. 3. Auflage. München, 2019. 2050 s.
- Bushlyakova D. V. To a question of problems of application of the hereditary contract in the Russian Federation. *Evrasiyskaya advokatura*, 2015, no. 4 (17), pp. 50—52. (In Russ.)
- Ennektserus L. German Civil Law Course: Introduction and General Part. Vol. 1. Moscow, 1950. 483 p. (In Russ.)
- Frank R., Helms T. *Erbrecht*. 7. Auflage. München, 2018. 383 s.
- Fundamentals of inheritance law in Russia, Germany, and France. Ed. by E. Yu. Petrov. Moscow, 2015. 271 p. (In Russ.)
- Gorina N. A. Hereditary contract as the third type of inheritance in civil law of Russia: to be or not to be? *Biznes. Obrazovanie. Pravo*, 2018, no. 2 (43), pp. 260—264. (In Russ.)

Gursky K.-H., Lettmaier S. *Erbrecht*. 7. Auflage. Heidelberg, 2018. 206 s.

Inheritance law: article-by-article comment to articles 1110—1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by E. Yu. Petrov. Moscow, 2018. 656 p. (In Russ.)

Lange K. W. *Erbrecht*. 2. Auflage. München, 2017. 1075 s.

Scherer S. *Münchener Anwalts-Handbuch Erbrecht*. 5. Auflage. München, 2018. 2412 s.